

УДК 82:1(47)
ББК 83.3:87.5(2)

Ли Сяоюй

Санкт-Петербургский государственный университет, аспирант кафедры русской философии и культуры, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: lixiaoyu_ruc@163.com

Игорь Иванович Евлампиев

Санкт-Петербургский государственный университет, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры русской философии и культуры, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: yevlampiev@mail.ru

Проблема «высших личностей» в творчестве Ф.М. Достоевского¹

Аннотация. Рассматривается дискуссионная проблема о наличии во взглядах Ф.М. Достоевского концепции «высших личностей» – личностей, которые возвышаются над остальными людьми и имеют особое влияние на общество и историю. Доказывается, что эта концепция наиболее явно выражена в «Дневнике писателя» за 1876 г., рассказе «Приговор» и комментариях Достоевского к этому рассказу. Подвергнута детальному анализу «теория» Раскольникова в романе «Преступление и наказание», в результате чего показано, что в рассуждениях героев опровергается только поверхностная версия концепции «высших личностей»; в то же время герои романа – Мармеладов, его жена Катерина Ивановна и Раскольников – могут рассматриваться как примеры разной степени реализации в человеке состояния «высшей личности». На основании обобщения всех текстов Достоевского, посвященных проблеме «высших личностей», сделан вывод о том, что человек должен пройти три этапа в своем развитии, чтобы стать «высшей личностью»: на первом он испытывает экзистенциальный кризис и понимает отсутствия смысла в своей жизни; на втором – занимает позицию «бунта» против Творца мира и его законов и отвергает традиционную церковную веру, что ставит его на грань самоубийства; на третьем – обретает новую веру, веру в свое бессмертие, причем в необычной, неортодоксальной форме, которую в романе Достоевского выражает Свидригайлов. В итоге рассмотрения наиболее известных фрагментов, посвященных идее бессмертия, показано, что смысл идеи бессмертия, согласно учению Достоевского, заключается в продолжении существования личности в новой форме в земном мире или в «параллельном», подобном земному, а не в идеальном Царствии Небесном, как утверждает церковное учение. Обоснована гипотеза, что наиболее последовательно и полно процесс превращения человека в «высшую личность» описан Достоевским в историях Раскольникова и Ивана Карамазова.

Ключевые слова: философия человека, концепция «высших личностей», идея бессмертия, экзистенциальный кризис, традиционная церковная вера

¹ Исследование осуществляется при поддержке Государственного комитета КНР в рамках «Государственной программы для аспирантов, посылаемых государством на учебу в зарубежные престижные университеты». (The research is supported by the State Scholarship Committee of the People's Republic of China under the "State Program for Postgraduate Students Sent by the State to Study at Prestigious Universities Abroad.")

Li Xiaoyu

Sankt-Petersburg State University, Graduate student of the Department of Russian Philosophy and Culture, Russia, Sankt-Petersburg, e-mail: lixiaoyu_ruc@163.com

Igor Ivanovich Evlampiev,

Sankt-Petersburg State University, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Russian Philosophy and Culture, Russia, Sankt-Petersburg, e-mail: yevlampiev@mail.ru

The Problem of “Higher Individuals” in the Works of F.M. Dostoevsky

Abstract. This article deals with the controversial issue of F.M. Dostoevsky’s concept of “Higher Individuals.” The latter are people who rise above other people and have a special influence on society and on history. The authors argue that this concept is most clearly expressed in “The Diary of a Writer” (1876) as well as in the story “The Sentence”, along with Dostoevsky’s commentaries on this story. By means of a detailed analysis of Raskolnikov’s “theory” within the novel “Crime and Punishment”, it is demonstrated that only a superficial version of the concept of “higher individuals” is refuted in the heroes’ argumentations; at the same time, the novel’s characters – Marmeladov, his wife Katerina Ivanovna, and Raskolnikov – can be viewed as examples of different degrees in the personal accomplishment of this “higher personality” state. In conclusion, it is observed how a person must go through three stages of development in order to become a “higher character”: firstly, the experience of an existential crisis and the understanding of the lack of meaning in one’s life; secondly, the “rebellion” against the Creator of the world and its laws along with the rejection of the traditional church faith, whose rejection leads this person on the edge of suicide; thirdly, the acquisition of a new faith, first of all, a faith in one’s immortality, which happens in an unusual, unorthodox form, as is well demonstrated by the character of Svidrigailov in Dostoevsky’s novel. According to Dostoevsky’s doctrine, the meaning of immortality lies in the continuation of a person’s existence in a new form in the earthly world or in a “parallel” world similar to the earthly one, and not in the ideal Kingdom of Heaven, as the church claims. Finally, the authors maintain that the process of a character’s transformation into a “higher individual” was consistently and fully described by Dostoevsky in the stories of Raskolnikov and Ivan Karamazov.

Key words: Philosophy of Man, the Concept of “Higher Individuals”, the Idea of Immortality, Existential Crisis, Suicide, “Rebellion” against the Creator

DOI: 10.17588/2076-9210.2021.4.119-134

Становление «высшей личности» через «бунт» против Бога и отрицание традиционной веры

Проблема «высших личностей» стала центральной для Достоевского начиная с ранних повестей «Хозяйка», «Слабое сердце», «Село Степанчиково и его обитатели». Высшей точкой в размышлениях писателя на эту тему стал роман «Преступление и наказание». Здесь теорию «высших личностей» излагает Раскольников и кажется, что она просто отвергается, признается ложной. Однако это не так. Достаточно сравнить рассуждения Раскольникова с рассуждениями самого Достоевского в авторском комментарии к рассказу «Приговор» в

«Дневнике писателя» за 1876 г., чтобы понять, что Достоевский и во время написания романа, и через много лет после него разделял теорию «высших личностей». Поэтому нужно говорить о том, что в романе подвергается критике прямолинейное понимание этой теории, а не ее глубинный смысл.

Рассказ «Приговор» показывает, как Достоевский понимает суть того превосходства, которым обладает «высшая личность». Герой рассказа характеризуется писателем как материалист и атеист, который не верит в бессмертие своей души. Это оказывается для него трагическим обстоятельством, которое ведет к самоубийству. Но рассказ был создан вовсе не для того, чтобы показать бесперспективность атеизма. В своем герое Достоевский показывает типичный пример человека, который обладает явным превосходством над большинством обычных людей, и это превосходство заключается в самой способности остро чувствовать свою смертность и размышлять над возможностью или невозможностью продолжения существования после смерти. Люди, который не способны к такому размышлению, для героя ничем не отличаются от животных: «Посмотрите, кто счастлив на свете и какие люди соглашаются жить? Как раз те, которые похожи на животных и ближе подходят под их тип по малому развитию их сознания. Они соглашаются жить охотно, но именно под условием жить как животные, то есть есть, пить, спать, устраивать гнездо и выводить детей. <...> Да, если б я был цветок или корова, я бы и получил наслаждение. Но, задавая, как теперь, себе беспрерывно вопросы, я не могу быть счастлив, даже и при самом высшем и непосредственном счастье любви к ближнему и любви ко мне человечества, ибо знаю, что завтра же всё это будет уничтожено: и я, и всё счастье это, и вся любовь, и всё человечество – обратится в ничто, в прежний хаос. А под таким условием я ни за что не могу принять никакого счастья, – не от нежелания согласиться принять его, не от упрямства какого из-за принципа, а просто потому, что не буду и не могу быть счастлив под условием грозящего завтра нуля. Это – чувство, это непосредственное чувство, и я не могу побороть его» [1, с. 146–147].

Получив от своих читателей письма с недоумением по поводу того, зачем он написал этот рассказ и вывел странного героя, Достоевский был вынужден более ясно высказать свои намерения. Эмоционально возражая одному из читателей, он полностью согласился с точкой зрения своего героя, противопоставившего себя большинству обычных людей, живущих «как животные»: «Для него [для героя рассказа] становится ясно как солнце, что согласиться жить могут лишь те из людей, которые похожи на низших животных и ближе подходят под их тип по малому развитию своего сознания и по силе развития чисто плотских потребностей. Они соглашаются жить именно как животные, то есть чтобы “есть, пить, спать, устраивать гнездо и выводить детей”. О, жрать, да спать, да гадить, да сидеть на мягком – еще слишком долго будет привлекать человека к земле, но не в высших типах его. Между тем высшие типы ведь ца-

рят на земле и всегда царили, и кончалось всегда тем, что за ними шли, когда восполнялся срок, миллионы людей» [2, с. 47].

Далее Достоевский говорит о том, что на земле есть одна главная «высшая идея», от которой зависит жизнь человека и человечества и которая определяет существование «высших личностей» (в том смысле, как это задано предыдущей цитатой): «...высшая идея на земле лишь одна и именно – идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные “высшие” идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из нее одной вытекают» [2, с. 48]. Рассказ «Приговор» был написан для доказательства этого утверждения. Это позволяет утверждать, что «высшие люди» отличаются тем, что они глубже других понимают эту идею и живут в соответствии в ней. Рассказ «Приговор» можно тогда рассматривать как демонстрацию пути, по которому человек может прийти к «высшей идее» и к состоянию «высшей личности». Парадокс в том, что герой как раз не верит в бессмертие, т. е. не обладает указанной «высшей идеей». Однако самое важное здесь – это противопоставление людей, которые «живут как животные», и героя, который задумался над идеей бессмертия и над смыслом своей жизни.

Своим рассказом Достоевский утверждает, что путь к состоянию «высшей личности» не может быть иным, чем тот, который демонстрирует герой этого рассказа. При этом герой проходит несколько этапов в своем размышлении о смысле жизни. Сначала он преодолевает низшую форму жизни, в которой живут большинство обычных людей и которая не отличается от жизни животных. При этом он отбрасывает ту некритически принятую (церковную) веру, которая характерна для обычных людей. Достоевский считал это важным этапом развития личности, неслучайно он даже хотел написать роман под названием «Атеизм», в котором предполагал вывести героя, который до сорока лет считал себя верующим человеком, хотя на деле просто соглашался с принятой по традиции православной верой, а потом впал в атеизм, но это оказалось началом его подлинного духовного развития, в конце которого он обретает подлинную веру. Можно сказать, что необходимым этапом на пути к настоящей вере и к становлению высшей личности для Достоевского являлся «бунт» против Творца и против установленных им или природой законов, не позволяющих человеку достичь совершенства и осмысленности жизни. В конце концов он подробно изложил смысл этого «бунта» в истории одного из своих героев, Ивана Карамазова, но и многие другие его герои занимают ту же позицию, с разной степенью определенности. Этот «бунт» включает сознательное отрицание традиционной веры, принятой в силу авторитета, а не своим свободным духовным решением; он ставит человека на грань самоубийства, поскольку лишает его «высшей идеи», без которой невозможна нормальная жизнь, – идеи бессмертия. Но следом за этим наступает самый важный момент, когда человек должен решительно преодолеть свои сомнения и обрести «высшую идею» в ее подлинной и истинной форме, а не в той форме, которую навязывает церковная вера. Вни-

материальное исследование представлений Достоевского о бессмертии приводит к однозначному выводу, что он решительно отрицал ее церковный вариант и принимал необычную версию идеи бессмертия, которую наиболее явно выразил его герой Свидригайлов в своем рассуждении о привидениях.

На основании всего сказанного персонажей Достоевского можно условно разделить на несколько метафизических типов по степени их приближения к состоянию «высшей личности»: низший тип – люди, которые живут, руководствуясь лишь животными потребностями, думая только о материальной стороне жизни (большинство людей относятся именно к данному типу). Следующий тип людей задумывается о смысле жизни, но не может понять, в чем этот смысл заключается и как его обрести (их жизнь оказывается наполненной тревогой и ощущением собственной ничтожности). К следующему, более высокому типу относятся люди, которые не просто задумались о смысле жизни, но осознали ложность традиционных форм обоснования осмысленности жизни и заняли позицию «бунта» в отношении Творца мира и законов природы. Люди последних двух типов в равной степени настроены на самоубийство, поскольку не видят выхода из той трагической ситуации, в которой оказались. Но для первого из этих типов самоубийство является спонтанным актом, имеющим внешней причиной какой-то случайный фактор, который вывел их из равновесия, эти люди до конца не понимают смысл своей тревоги. Люди более высокого типа, напротив, превращают свое самоубийство в акт идейного протеста против недолжного устройства природы и общества, как это показывает герой рассказа «Приговор». Наконец, четвертый тип включает людей, которых в полной мере можно назвать «высшими личностями»: они, задумавшись о смысле жизни и бросив вызов Творцу, не останавливаются на этом, а находят путь к реализации высших целей жизни, приходят к выводу, что земная жизнь не бессмысленна, что именно она вечна и будет продолжена после смерти, поэтому они, в отличие от героя рассказа «Приговор», делают выбор не в пользу самоубийства, а в пользу земной жизнью, избирают путь добродетели и любви к ближнему.

Получается, что именно размышления над смертью и мысль о самоубийстве являются, по Достоевскому, необходимым условием перехода из обыденного состояния к состоянию «высшей личности». Поскольку, как уже было сказано, проблема «высшей личности» является для Достоевского одной из важнейших на протяжении всего творчества, неудивительно, что он постоянно показывает нам героев, которые стоят на грани самоубийства.

*Типология героев романа «Преступление и наказание»
(Мармеладов и Катерина Ивановна)*

С точки зрения описанной выше типологии героев Ф. Достоевского попытаемся охарактеризовать героев романа «Преступление и наказание» – насколько они способны стать «высшей личностью». Так, например, Лужин,

без сомнений, относится к первому типу людей, хотя он был состоятельным человеком, по профессии адвокат, но его целью является только материальный успех, ему свойствен крайний эгоизм, он не задумывается о смысле жизни, подчиняясь стандартам обыденной жизни.

В центре сюжета романа находится семья Мармеладова. Прототипом Мармеладова могли являться два человека из окружения Достоевского: младший брат писателя Николай Михайлович Достоевский (1831–1883), занявший должность в Петербурге, но потерявший работу в середине 1860-х годов из-за проблем с алкоголем; и Александр Иванович Исаев – бывший муж первой жены Достоевского Марии Дмитриевны Исаевой, мелкий государственный чиновник в Сибири, также как и Николай Достоевский, имевший серьезные проблемы с алкоголем. Исаев был учителем средней школы и, в силу служебных обязанностей, приехал в город Семипалатинск, куда был сослан Достоевский. Через несколько месяцев после ссылки писатель познакомился с Александром Ивановичем и его женой Марией Дмитриевной. В то время Александр Иванович уже потерял работу, стал пить и в состоянии опьянения любил философствовать, изливая свое душевное состояние. Когда Достоевский упомянул Исаева в письме к брату, он описал его как человека заносчивого, тщеславного, страдающего алкоголизмом, но одновременно с этим признавал, что он был образованным и благородным в душе.

Образ Мармеладова допускает прямо противоположные оценки: его можно считать и вариантом «подпольного человека» (по аналогии с героем повести «Записки из подполья»)², и искренне верующим человеком, вещающим откровенные истины³, и человеком, профанирующим сакральную функцию молитвы и кощунственно подменяющим пространство церкви пространством кабака⁴. Однако при всей противоречивости оценок невозможно отрицать, что он принадлежит к людям, которые осознают трагизм своей жизни, задумываются о ее смысле, но не способны понять этот смысл, констатируя свою слабость и недостойность. Вот как об этом говорит Мармеладов Раскольникову в романе: «...осмелитесь ли вы, взирая в сей час на меня, сказать утвердительно, что я не свинья? <...> Ну-с, я пусть свинья, а она дама! Я звериный образ имею, а Катерина Ивановна, супруга моя, – особа образованная и урожденная штаб-офицерская дочь. <...> ... я прирожденный скот!» [8, с. 14–15].

² См.: Криницын А.Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 32 [3].

³ См.: Гумерова А.Л. Евангельский фон романа «Преступление и наказание» // Достоевский: дополнения к комментарию. М.: МАИК, 2005. С. 277 [4]; Меерсон О. Библийские интертексты у Достоевского. Кощунство или богословие любви? // Достоевский и мировая культура. Альманах. Вып. 12. М.: Раритет-Классика Плюс, 1999. С. 47 [5].

⁴ См.: Влащенко В.И. Загадки и тайны в художественном мире Достоевского (Трагическая судьба Мармеладовых) // Нева. 2017. № 11. С. 242–246 [6]; Касаткина Т.А. Категория пространства в восприятии личности трагической мироориентации (Раскольников) // Достоевский: Материалы и исследования. Вып. 11. СПб.: Наука, 1994. С. 84–85 [7].

Раскаяние Мармеладова показывает, что он глубоко сознает свою греховную природу и ожидает прощения и милости от окружающих и от Бога, в этом смысле он дает пример Раскольникову, и, если бы тот услышал его, он, возможно, не совершил бы преступления⁵. Нарочитое приравнивание себя к «скотам», т. е. к животным, как раз показывает, что Мармеладов поднялся над «скотами», над типом людей, которые живут «как животные», он понимает ограниченность своего существования и видит путь к более осмысленной жизни, но не может в силу душевной слабости пойти по этому пути. Т.В. Ковалевская утверждает, что пьяное поведение, которое демонстрирует Мармеладов, в русской народной традиции занимает особое положение, его алкоголизм призван укрыть его от всех бед мира, с другой стороны – это скрытый способ покончить свою жизнь самоубийством⁶. Пьянство Мармеладова – это форма сопротивления «маленьких людей», не доходящая до прямого «бунта», но несущая в себе его потенцию, об этом говорят многие исследователи романа⁷. Весьма характерно, что в истории Мармеладова происходит благоприятный поворот судьбы: он получает возможность снова начать службу и полностью изменить свою жизнь. Однако он отказывается вернуться в обычную жизнь, которая удовлетворяет большинство людей, и, пропив свой новый мундир, возвращается на путь, заканчивающийся его трагической гибелью. В этом смысле его позицию можно признать сознательно выбранной, а не случайно возникшей из-за его слабости.

Возвращение Мармеладова в кабак – это движение навстречу неотвратимой гибели, его смерть под копытами лошадей, как справедливо замечают многие исследователи, «так похожа на самоубийство»⁸. Об этом говорит и его жена Катерина Ивановна: «Ведь он сам, пьяный, под лошадей полез!» [8, с. 144]. При этом Мармеладов сам не понимает, в чем внутренняя причина его неспособности жить обычной жизнью, поэтому он не может прямо покончить с собой, его самоубийство оказывается как бы «случайным». Не осознавая до конца причину своей жизненной трагедии, Мармеладов не доходит до прямого «бунта» против Бога, но он и не показывает обычного покорного спокойствия: он уверенно говорит о том, что будет награжден на Страшном суде, по сути, он *требует* от Бога прощения и искупления всех своих страданий. Эта позиция находится в одном шаге от «бунта». Этот шаг делает его жена Катерина Ивановна.

Отметим, что в творчестве Достоевского можно найти и других героев, похожих на Мармеладова, – выходящих из «животной» жизни и смутно ощу-

⁵ См.: Бражников И. Внутри и снаружи. Истинный миропорядок в романе «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Альманах. Вып. 17. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 20 [9].

⁶ См.: Ковалевская Т.В. Мармеладов как микрокосм: грехопадение, апокалипсис и народное христианство // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2(56). Ч. 1. С. 38–42 [10].

⁷ См.: Влащенко В.И. Загадки и тайны в художественном мире Достоевского (Трагическая судьба Мармеладовых). С. 241.

⁸ Тихомиров Б.Н. «Лазарь! Гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание в современном прочтении. Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. С. 30 [11].

щающих необходимость какого-то высшего смысла, но не способных правильно увидеть этот смысл и поэтому испытывающих трагический кризис своего существования. Двух таких героев Достоевский изображает в фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (1861 г.). Один из них – очень странный маленький чиновник, почему-то решивший, что он – Гарибальди. «Никогда-то он почти ни с кем не говорил и вдруг начал беспокоиться, смущаться, расспрашивать всё о Гарибальди и об итальянских делах, как Поприщин об испанских... И вот в нем образовалась мало-помалу неотразимая уверенность, что он-то и есть Гарибальди, флибустьер и нарушитель естественного порядка вещей. Сознав в себе свое преступление, он дрожал день и ночь. <...> Весь божий мир скользил перед ним и улетал куда-то, земля скользила из-под ног его. Он одно только видел везде и во всем: свое преступление, свой стыд и позор. Что скажет их превосходительство, что скажет сам Дементий Иваныч, начальник отделения, что скажет, наконец, Емельян Лукич, что скажут они, они все... Беда! И вот в одно утро он вдруг бросился в ноги его превосходительству: виноват, дескать, сознаюсь во всем, я – Гарибальди, делайте со мной что хотите!...» [12, с. 72]. И его отправили в сумасшедший дом.

Образ второго героя Достоевский позаимствовал из газет, которые рассказали о незначительном и очень бедном чиновнике Соловьёве, после смерти которого в его матрасе нашли целое состояние в сто пятьдесят тысяч рублей. Самое странное в этой истории было то, что Соловьёв никак не использовал свое богатство; Достоевский видит в качестве причины его желания «составить капитал» точно такой же экзистенциальный кризис, который привел Мармеладова к гибели под колесами кареты, а чиновника, возмнившего себя Гарибальди, – в сумасшедший дом. «Лет шестьдесят назад Соловьёв, верно, где-нибудь служил; был молод, юн, лет двадцати. Может быть, и он тоже имел увлечения, разъезжал на извозчиках, знал какую-нибудь Луизу и ходил в театр смотреть “Жизнь игрока”. Но вдруг с ним что-нибудь случилось такое, как будто подтапливающее под локоть, – одно из тех происшествий, которые в один миг изменяют всего человека, так что он даже сам того не заметит. Может быть, с ним была какая-нибудь минута, когда он вдруг как будто во что-то прозрел и заробел перед чем-то. И вот Акакий Акакиевич копит гроши на куницу, а он откладывает из жалованья и копит, копит на черный день, неизвестно на что, но только не на куницу. Он иногда и дрожит, и боится, и закутывается воротником шинели, когда идет по улицам, чтоб не испугаться кого-нибудь, и вообще смотрит так, как будто его сейчас распекли» [12, с. 74].

Мармеладов и два этих героя демонстрируют тип людей, отошедших от обыденной жизни, но не способных сознательно выстроить иную жизнь и ясно сформулировать свой «бунт» против законов земной жизни, которую они не принимают в силу ее радикального несовершенства. В романе «Преступление и наказание» есть персонаж, который более ясно выражает свой протест, свой «бунт», – это жена Мармеладова Катерина Ивановна.

Первое впечатление о Катерине мы получили из слов Мармеладова. Он смиренно признает, что жена стоит гораздо выше его по внутреннему достоинству, потому что она имеет приличное образование, является дочерью полковника, благородной женщиной. Мармеладов женился на Катерине, вдове с тремя детьми, из жалости; она благодаря своему браку с Мармеладовым смогла временно облегчить свое трудное жизненное положение. Достоевский показывает в Катерине Ивановне резкое сочетание противоположных качеств. Она получила хорошее образование и имела большие запросы, хотела многого достичь в жизни, но череда трагических неудач привела ее почти к нищенскому существованию, которое раскрепостило негативные стороны ее души. Она дошла почти до издевательств над падчерицей Соней и вынудила ее пойти по «желтому билету». Вообще тема взаимной жестокости близких людей является одной из главных в романе⁹. Но, получив от Сони тридцать рублей, она ночью встала на колени у кровати Сони и искренне жалела ее и раскаивалась в своей жестокости к ней. Жалкая жизнь и слабый муж, который не мог быть ей опорой, в конечном итоге привели к тому, что в ее личности сочеталось в самых радикальных проявлениях добро и зло, сострадание и жестокость; особенно наглядно эта двойственность проявлялась в ее отношениях к Мармеладову. После того как Раскольников привел пьяного Мармеладова домой, мы становимся свидетелями нелепой картины, когда Мармеладов безропотно принимает гнев и насилие Катерины и даже, таскаемый за волосы, кричит, что это ему в наслаждение.

Осознавая неразрешимую трагичность своей жизни, она доходит до «бунта» против Бога и против церковной религии, которая требует поклонения Творцу мира. Как утверждает Р.Г. Назиров, в своем «бунте» «она не имеет нужды в Боге»¹⁰. В момент смерти Мармеладова Достоевский изображает такой диалог Катерины и священника:

«– А куда я этих-то дену? – резко и раздражительно перебила она, указывая на малюток.

– Бог милостив; надейтесь на помощь всевышнего, – начал было священник.

– Э-эх! Милостив, да не до нас!

– Это грех, грех, сударыня, – заметил священник, качая головой.

– А это не грех? – крикнула Катерина Ивановна, показывая на умирающего. <...>

– Простить бы надо в предсмертный час, а это грех, сударыня, таковые чувства большой грех! <...>

⁹ См.: Кантор В.К. В парадигме дантовского «Ада». «Отец Горио» и «Преступление и наказание» // Вопросы литературы. 2014. № 5. С. 39 [13]; Касаткина Т.А. Характерология Достоевского. М.: Наследие, 1996. С. 83 [14].

¹⁰ См.: Назиров Р.Г. Гоголь, Достоевский и английская готика // Достоевский и мировая культура. Альманах Вып. 30 (2). СПб.: Серебряный век, 2013. С. 260 [15].

– Эх, батюшка! Слова да слова одни! Простить! <...> Так чего уж тут про прощение говорить! И то простила!» [8, с. 144].

Здесь Катерина впервые задумывается над вопросом об отношениях с Богом. Она осознает, что Бог-Творец не благ, во всяком случае, для их семьи. Катерина из собственной трагической судьбы выводит мысль о том, что Бог не добр, а зол. Можно отметить явное сходство размышлений Катерины Ивановны о своей трагической жизни с текстом книги Иова из Ветхого Завета. Но еще больше ее мировоззрение близко к гностицизму, о чем будет сказано ниже. Пока же можем сказать, что ее позиция вполне ясно выражает мировоззрение третьего типа людей, о котором говорилось выше и в который вместе с ней попадает и герой рассказа «Приговор». Только в силу менее развитого осознания собственной жизни она не кончает с собой, но все ее поступки в романе имеют в качестве внутреннего посыла это устремление; ее смерть оказывается очень похожей на самоубийство. Но самое главное, что она, как и герой рассказа «Приговор», бросает вызов Творцу мира и отвергает церковную религию.

*Истории Раскольникова и Ивана Карамазова
как примеры становления «высшей личности»*

Главный герой романа Родион Раскольников изображен как человек, который не только не удовлетворен обыденной жизнью, но настойчиво ищет путь для радикального воздействия на мир ради его преобразования к более совершенному состоянию. Тот факт, что он убивает незначительную по своей роли в обществе старуху-процентщицу и берет у нее деньги, как мы думаем, для начала собственной «карьеры», подобной карьере Наполеона, не может воспрепятствовать пониманию его подлинной цели – преображению всего мира к более совершенному состоянию. Важно увидеть, что преступление Раскольникова является только одним и не самым главным элементом его «бунта» против Творца мира, очень похожим на «бунт» Ивана Карамазова. В романе очень ясно прописано весьма негативное отношение героя к церкви и церковному христианству. Бога-Творца, которому поклоняется церковь, Раскольников склонен считать ложным Богом; в его религиозных убеждениях явно просматриваются гностические мотивы. Особенно наглядно это проявляется в финале сцены смерти Мармеладова, когда в нем неожиданно просыпается жажда жизни и энергия действия: «Он сходил тихо, не торопясь, весь в лихорадке и, не сознавая того, полный одного, нового, необъятного ощущения вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни. Это ощущение могло походило на ощущение приговоренного к смертной казни, которому вдруг и неожиданно объявляют прощение» [8, с. 146]. И дальше мы слышим выразительный внутренний монолог героя: «Довольно! – произнес он решительно и торжественно, – прочь миражи, прочь напускные страхи, прочь привидения!.. Есть жизнь! Разве я сейчас не жил? Не умерла еще моя жизнь вместе с старою старухой! Царство ей небесное и – довольно, ма-

тушка, пора на покой! Царство рассудка и света теперь и... и воли, и силы... и посмотрим теперь! Померяемся теперь! – прибавил он заносчиво, как бы обращаясь к какой-то темной силе и вызывая ее. <...> Сила, сила нужна: без силы ничего не возьмешь; а силу надо добывать силой же, вот этого-то они и не знают» [8, с. 147].

Здесь явно противопоставлен основной символ церковного христианства Царство небесное и символ веры самого Раскольникова Царство рассудка и света, которое одновременно ассоциируется с силой и волей, т. е. с собственным свободным желанием человека. Как и герой рассказа «Приговор», Раскольников «протестует» против законов природы, которые сковывают нашу волю и свободу, не позволяют человеку реализовать свое желание полной осмысленности жизни. Однако он идет дальше «логического самоубийцы»: если последний не знает, откуда законы берут свою силу и власть над человеком, Раскольников понимает, что законы являются всего лишь орудием злого Бога («темной силы»), господствующего над миром, поэтому он пытается бороться с этим Богом и с его религиозным обоснованием, а не с самими законами. Можно еще раз повторить, что его позиция точно соответствует «бунту» против Творца мира, которую демонстрирует Иван Карамазов, герой последнего романа Достоевского. В исследовательской литературе уже высказана точка зрения, что «бунт» Ивана и его изображение образа Иисуса Христа в поэме «Великий инквизитор» наиболее естественно можно объяснить, если предположить, что через Ивана Достоевский выражает гностическое миропонимание, согласно которому творцом нашего мира является не благой Бог-Отец, а злой низший бог Демиург¹¹. Тогда и церковное христианство оказывается ложной религией, которая создана Демиургом для обеспечения покорности ему всех людей. Тот факт, что Достоевский достаточно негативно относился к церкви и ее служителям, достаточно известен¹², хотя в его произведениях можно встретить диаметрально противоположные суждения на этот счет¹³.

Тем не менее, если иметь в виду роман «Преступление и наказание», ситуация выглядит гораздо более однозначной: здесь практически все герои отклоняются от церковной веры или просто «бунтуют» против Творца мира и церковного христианства. Даже Соня Мармеладова, поведение которой менее всего можно определить термином «бунт», не очень соответствует образу цер-

¹¹ См.: Тихомиров Б.Н. *Христос и Истина* в Поэме Ивана Карамазова «Великий инквизитор» // «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». Статьи и эссе о Достоевском. СПб.: Серебряный век, 2012. С. 92–124 [16]; Тихомиров Б.Н. Наследие Достоевского и гностическая традиция // «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». Статьи и эссе о Достоевском. С. 369–377 [17].

¹² См.: Нейчев Н. Таинственная поэтика Ф.М. Достоевского. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2010. С. 24 [18]; Cassidy Steven. *Dostoevsky's Religion*. Stanford: Stanford University Press, 1992 [19]; Lubac Henri de. *The Drama of Atheist Humanism*. San Francisco: Ignatius Press, 1995 [20].

¹³ См.: Jones, Malcolm V. *Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience*. London: Anthem Press, 2005 [21].

ковно верующей женщины, об этом ясно писал К. Леонтьев в статье, критикующей Пушкинскую речь Достоевского: «Заметим еще одну подробность: эта молодая девушка (Мармеладова) как-то *молебнов* не служит, *духовников* и *монахов* для совета не ищет; к *чудотворным иконам* и *мощам* не прикладывается; отслужила только панихиду по отце. Тогда как в действительной *жизни* подобная женщина непременно все бы это сделала, если бы только в ней проснулось живое религиозное чувство...»¹⁴ Из этого Леонтьев выводит отсутствие подлинной православной веры в сознании писателя: «Видно из этого, что г. Достоевский в то время, когда писал “Преступление и наказание”, очень мало о настоящем (то есть о *церковном*) христианстве думал» [18, с. 86]. В целом можно утверждать, что через героев романа Достоевский достаточно последовательно выражает гностическое мировоззрение¹⁵.

Раскольников дальше всех из героев идет по пути «бунта», но поэтому, утратив общепринятую веру, он подходит к тому же состоянию, в котором герой рассказа «Приговор» покончил с собой. Он тоже несколько раз оказывается близок к решению покончить с собой. Но он преодолевает это наваждение и обретает новую, истинную веру. Главным пунктом этой веры является идея бессмертия в неортодоксальной форме, выраженная в романе через историю воскрешения Лазаря и через рассказ Свидригайлова о сущности привидений. Сначала Порфирий Петрович спрашивает Раскольникова, *буквально* ли он верует в воскресение Лазаря, затем Соня читает ему эту историю из Евангелия от Иоанна, а затем уже Свидригайлов в первой беседе с ним излагает свою «теорию» привидений, из которой следует, что умершие люди попадают не в Царствие Небесное, а в некоторую «параллельную» реальность, связанную с нашим миром и существующую по тем же законам, что и земной мир: «Привидения – это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало. Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек, а стало быть, должен жить одною здешнею жизнью, для полноты и для порядка. Ну а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше, так что когда умрет совсем человек, то прямо и перейдет в другой мир”. Я об этом давно рассуждал. Если в будущую жизнь верите, то и этому рассуждению можно поверить» [8, с. 221].

В контексте такого понимания идеи бессмертия история Лазаря приобретает гораздо более ясный и логичный смысл, чем в контексте церковного представления о бессмертии как продолжении существования в Царствии Небес-

¹⁴ См.: Леонтьев К.Н. О всемирной любви. Речь Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике // Властитель дум: Ф.М. Достоевский в русской критике конца XIX – начала XX века. СПб.: Худож. лит., 1997. С. 85 [22].

¹⁵ См.: Евлампиев И.И. «Преступление и наказание»: мистический роман о рождении Спасителя в мире злого Деминура // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 3(67). С. 140–155 [23].

ном. Лазарь, который умер четыре дня назад, должен был бы быть по церковным представлениям уже на пороге Царствия Небесного, если не внутри него, – зачем же Христос возвращает его из этой божественной обители в наш земной мир, где ему снова предстоит страдать и умирать? Если же Лазарь перешел из нашего мира в некий аналогичный мир, устроенный похожим образом, как утверждает Свидригайлов, то его обратное возвращение выглядит как чудо для нашей земной реальности, но не нарушает неких общих законов мироздания, допускающих переход из одного земного мира в другой.

Помогая Раскольникову обрести веру в бессмертие как продолжение жизни в земном мироздании, Порфирий Петрович, Соня и Свидригайлов помогают ему преодолеть жизненный кризис, останавливают его на грани самоубийства и способствуют его переходу в высшее состояние, в котором он не просто становится «высшей личностью», но идет по пути Иисуса Христа¹⁶. Позднее таким же образом будет преодолевать свой экзистенциальный кризис Иван Карамазов. Отвергнув Творца мира и церковную религию, он усомнится в идее бессмертия. Именно это поставит его на грань безумия и гибели. Однако Достоевский ясно показывает, что Иван, как и Раскольников, преодолеет кризис и найдет выход из жизненного тупика, обретет идею бессмертия в новой, неортодоксальной форме. Это прямо сказано старцем Зосимой, который проницательно видит высшее предназначение людей. По поводу веры Ивана в бессмертие он говорит: «Идея эта еще не решена в вашем сердце и мучает его. <...> В вас этот вопрос не решен, и в этом ваше великое горе, ибо настоятельно требует разрешения...» [25, с. 65]. В ответ на это Иван спрашивает старца, может ли этот вопрос быть решен в нем в положительную сторону, и Зосима продолжает: «Если не может решиться в положительную, то никогда не решиться и в отрицательную, сами знаете это свойство вашего сердца; и в этом вся мука его. Но благодарите творца, что дал вам сердце высшее, способное такую мукой мучиться, “горняя мудрствовати и горних искати, наше бо жительство на небесех есть”. Дай вам Бог, чтобы решение сердца вашего постигло вас еще на земле, и да благословит Бог пути ваши!» [25, с. 65–66]. После этого Иван принимает благословение у старца и целует ему руку.

Таким образом, истории трех героев Достоевского – Раскольникова, персонажа рассказа «Приговор» и Ивана Карамазова, взятые в единстве, дают очень ясную концепцию становления человека «высшей личностью», превосходящей всех обычных людей и приближающейся по смыслу своего бытия к Иисусу Христу. Важнейшими последовательными этапами пути к такому состоянию являются, во-первых, радикальный жизненный кризис, ведущий к

¹⁶ См.: Евлампиев И.И. «Преступление и наказание»: мистический роман о рождении Спасителя в мире злого Демидурга // Соловьёвские исследования. С. 142–146; Касаткина Т.А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 12 [24].

утрате всех привычных форм обоснования своей жизни и ставящий личность на грань самоубийства, во-вторых, отказ от церковной христианской веры, в том числе веры в свое бессмертие, принятой в силу традиции и авторитета, в-третьих, «бунт» против Творца мира и против законов бытия, не позволяющих человеку добиваться осмысленности своей жизни, и, наконец, в-четвертых, обретение новой, зрелой и свободной веры, прежде всего веры в свое бессмертие, причем в той ее форме, которую описывает Свидригайлов, – именно в земном мироздании, а не в Царствии Небесном.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 год. Май-октябрь // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 23. Л.: Наука, 1981. 424 с.
2. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь-декабрь // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 24. Л.: Наука, 1982. С. 5–64.
3. Криницын А.Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. М.: МАКС Пресс, 2001. 370 с.
4. Гумерова А.Л. Евангельский фон романа «Преступление и наказание» // Достоевский: дополнения к комментарию. М.: МАИК, 2005. С. 274–278.
5. Меерсон О. Библийские интертексты у Достоевского. Кошунство или богословие любви? // Достоевский и мировая культура. Альманах. Вып. 12. М.: Раритет-Классика Плюс, 1999. С. 40–53.
6. Влащенко В.И. Загадки и тайны в художественном мире Достоевского (Трагическая судьба Мармеладовых) // Нева. 2017. № 11. С. 224–246.
7. Касаткина Т.А. Категория пространства в восприятии личности трагической мироориентации (Раскольников) // Достоевский: Материалы и исследования. Вып. 11. СПб.: Наука, 1994. С. 81–88.
8. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 424 с.
9. Бражников И. Внутри и снаружи. Истинный миропорядок в романе «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Альманах. Вып. 17. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 17–43.
10. Ковалевская Т.В. Мармеладов как микрокосм: грехопадение, апокалипсис и народное христианство // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2(56). Ч. 1. С. 38–42.
11. Тихомиров Б.Н. «Лазарь! Гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
12. Достоевский Ф.М. Петербургские сновидения в стихах и прозе // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 19. Л.: Наука, 1979. С. 67–85.
13. Кантор В.К. В парадигме дантовского «Ада». «Отец Горио» и «Преступление и наказание» // Вопросы литературы. 2014. № 5. С. 25–61.
14. Касаткина Т.А. Характерология Достоевского. М.: Наследие, 1996. 336 с.
15. Назиров Р.Г. Гоголь, Достоевский и английская готика // Достоевский и мировая культура. Альманах Вып. 30(2). СПб.: Серебряный век, 2013. С. 241–280.
16. Тихомиров Б.Н. Христос и Истина в Поэме Ивана Карамазова «Великий инквизитор» // «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». Статьи и эссе о Достоевском. СПб.: Серебряный век, 2012. С. 92–124.
17. Тихомиров Б.Н. Наследие Достоевского и гностическая традиция // «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». Статьи и эссе о Достоевском. СПб.: Серебряный век, 2012. С. 369–377.
18. Нейчев Н. Таинственная поэтика Ф.М. Достоевского. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2010. 316 с.
19. Casedy Steven. Dostoevsky's Religion. Stanford: Stanford University Press, 1992. 224 p.

20. Lubac Henri de. *The Drama of Atheist Humanism*. San Francisco: Ignatius Press, 1995. 539 p.
21. Jones Malcolm V. *Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience*. London: Anthem Press, 2005. 183 p.
22. Леонтьев К.Н. О всемирной любви. Речь Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике // Властитель дум: Ф.М. Достоевский в русской критике конца XIX – начала XX века. СПб.: Худож. лит., 1997. С. 68–102.
23. Евлампиев И.И. «Преступление и наказание»: мистический роман о рождении Спасителя в мире злого Демидурга // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 3(67). С. 140–155.
24. Касаткина Т.А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
25. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. I–X // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. 512 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Dostoevskiy, F.M. Dnevnik pisatelya za 1876 god, May-Oktyabr' [Diary of a writer for 1876. May-October], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 23* [Complete Works in 30 vol., vol. 23]. Leningrad: Nauka, 1981. 424 p.
2. Dostoevskiy, F.M. Dnevnik pisatelya za 1876 god, Noyabr'-Dekabr' [Diary of a writer for 1876. November-December], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 24* [Complete Works in 30 vol., vol. 24]. Leningrad: Nauka, 1982, pp. 5–64.
3. Dostoevskiy, F.M. Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 6* [Complete Works in 30 vol., vol. 6]. Leningrad: Nauka, 1973. 424 p.
4. Dostoevskiy, F.M. Peterburgskie snovideniya v stikhakh i proze [Petersburg dreams in poetry and prose], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 19* [Complete Works in 30 vol., vol. 19]. Leningrad: Nauka, 1979, pp. 67–85.
5. Dostoevskiy, F.M. Brat'ya Karamazovy. Kn. I–X [Brothers Karamazov. Books I–X], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 14* [Complete Works in 30 vol., vol. 14]. Leningrad: Nauka, 1976. 512 p.

(Articles from Scientific Journals)

6. Evlampiev, I.I. «Преступление и наказание»: misticheskiy roman o rozhdenii Spasatelya v mire zlogo Demidurga [“Crime and Punishment”: a mystical novel about the birth of the Savior in the world of the evil Demiurge], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2020, issue 3(67), pp. 140–155.
7. Kantor, V.K. V paradigme dantovskogo «Ada». «Otets Gorio» i «Преступление и наказание» [In the paradigm of Dante's “Hell”. “Father Goriot” and “Crime and Punishment”], in *Voprosy literatury*, 2014, no. 5, pp. 25–61.
8. Kovalevskaya, T.V. Marmeladov kak mikrokosm: grekhopadenie, apokalipsis i narodnoe khristianstvo [Marmeladov as a microcosm: the fall, the apocalypse and popular Christianity], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no. 2(56), part 1, pp. 38–42.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

9. Brazhnikov, I. Vnutri i snaruzhi. Istinnyy miroporyadok v romane «Преступление и наказание» [Inside and outside. The true world order in the novel “Crime and Punishment”], in *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'manakh. Vyp. 17* [Dostoevsky and world culture. Almanac. Issue 17]. Moscow: IMLI RAN, 2003, pp. 17–43.
10. Gumerova, A.L. Evangel'skiy fon romana «Преступление и наказание» [Gospel background of the novel “Crime and Punishment”], in *Dostoevskiy: dopolneniya k kommentariyu* [Dostoevsky: additions to the commentary]. Moscow: MAIK, 2005, pp. 274–278.

11. Kasatkina, T.A. Kategoriya prostranstva v vospriyatii lichnosti tragicheskoy miroorientatsii (Raskol'nikov) [The category of space in the perception of the personality of the tragic world orientation (Raskolnikov)], in *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya. Vyp. 11* [Dostoevsky: Materials and Research. Issue 11]. Saint-Petersburg: Nauka, 1994, pp. 81–88.

12. Leont'ev, K.N. O vseмирnoy lyubvi. Rech' F.M. Dostoevskogo na Pushkinskom prazdnike [About universal love. F.M. Dostoevsky at the Pushkin Festival], in *Vlastitel' dum: F.M. Dostoevskiy v russkoy kritike kontsa 19 – nachala 20 veka* [The ruler of thoughts: F.M. Dostoevsky in Russian criticism of the late 19th – early 20th centuries]. Saint-Petersburg: Khudozhestvennaya literatura, 1997, pp. 68–102.

13. Meerson, O. Bibleyskie interteksty u Dostoevskogo. Koshchunstvo ili bogoslovie lyubvi? [Dostoevsky's Biblical Intertexts. Blasphemy or theology of love?], in *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'manakh. Vyp. 12* [Dostoevsky and world culture. Almanac. Issue 12]. Moscow: Raritet-Klassika Plyus, 1999, pp. 40–53.

14. Nazirov, R.G. Gogol', Dostoevskiy i angliyskaya gotika [Gogol, Dostoevsky and English Gothic], in *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'manakh. Vyp. 30(2)* [Dostoevsky and world culture. Almanac. Issue 30(2)]. Saint-Petersburg: Serebryanyy vek, 2013, pp. 241–280.

15. Tikhomirov, B.N. Khristos i Istina v Poeme Ivana Karamazova «Velikiy inkvizitor» [Christ and Truth in the Poem by Ivan Karamazov “The Grand Inquisitor”], in «...*Ya zanimayus' etoy taynoy, ibo khochu byt' chelovekom*». *Stat'i i esse o Dostoevskom* [“...I am engaged in this secret, because I want to be human.” Articles and essays about Dostoevsky]. Saint-Petersburg: Serebryanyy vek, 2012, pp. 92–124.

16. Tikhomirov, B.N. Nasledie Dostoevskogo i gnosticheskaya traditsiya [Dostoevsky's heritage and the Gnostic tradition], in «...*Ya zanimayus' etoy taynoy, ibo khochu byt' chelovekom*». *Stat'i i esse o Dostoevskom* [“...I am engaged in this secret, because I want to be human.” Articles and essays about Dostoevsky]. Saint-Petersburg: Serebryanyy vek, 2012, pp. 369–377.

17. Vlashchenko, V.I. Zagadki i tayny v khudozhestvennom mire Dostoevskogo (Tragicheskaya sud'ba Marmeladovykh) [Riddles and secrets in the artistic world of Dostoevsky (The tragic fate of the Marmeladovs)], in *Neva*, 2017, no. 11, pp. 224–246.

(Monographs)

18. Jones, Malcolm V. *Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience*, Anthem Press, 2005. 183 p.

19. Kasatkina, T.A. *Kharakterologiya Dostoevskogo* [Dostoevsky's characterology]. Moscow: Nasledie, 1996. 336 p.

20. Kasatkina, T.A. *Svyashchennoe v povsednevnom: dvusostavnyy obraz v proizvedeniyakh F.M. Dostoevskogo* [The sacred in everyday life: a two-part image in the works of F.M. Dostoevsky]. Moscow: IMLI RAN, 2015. 528 p.

21. Krinitsyn, A.B. *Isповед' podpol'nogo cheloveka. K antropologii F. M. Dostoevskogo* [Confessions of an underground man. To the anthropology of F.M. Dostoevsky]. Moscow: MAKS Press, 2001. 370 p.

22. Lubac, Henri de. *The Drama of Atheist Humanism*. San Francisco: Ignatius Press, 1995. 539 p.

23. Neychev, N. *Tainstvennaya poetika F.M. Dostoevskogo* [The mysterious poetics of F.M. Dostoevsky]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2010. 316 p.

24. Cassedy, Steven. *Dostoevsky's Religion*. Stanford: Stanford University Press, 1992. 224 p.

25. Tikhomirov, B.N. “Lazar'! Gryadi von”. *Roman F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii. Kniga-kommentariy* [“Lazarus! Come out.” F.M. Dostoevsky's novel “Crime and Punishment” in a Modern Reading. Commentary book]. Saint-Petersburg: Serebryanyy vek, 2005. 472 p.